

РЕЖИССЕРУ ДВЕРИ ХЛОПАЮТ,

А ОН МЕЧТАЛ ОБ АПЛОДИСМЕНТАХ ЗРИТЕЛЕЙ

АНДРЕЙ сидел на стремянке и с упоением красил стену. В коридоре тускло мерцала лампочка, сильно пахло олифой и свежеструганным деревом. В это время они прошли, громко переговариваясь. Больше всего его задело, как они шли — ничего не замечая вокруг. Он хотел крикнуть вдогонку, но раздумал. Мазнул лениво кистью, прислушался. Снова хлопнула дверь служебного входа. Из отпуска возвращались артисты. «Смотрите-ка, Андрей Викторович... — услышал удивленный возглас, — надо же».

Впервые за этот суматошный вечер он тоже посмотрел на себя. Перемазан краской, весь белый, нелепые башмаки. Черт знает, на кого похож.

А двери хлопали и хлопали. Артисты все шли и шли. Мимо своего нового режиссера, мимо афиши, приглашающей всех артистов принять участие в ремонте.

...В Новгородской областной театр драмы Андрей Лапиков был принят в качестве очередного режиссера в начале прошлого лета.

Начал он с довольно прозаического занятия. Целый месяц, изо дня в день, анализировал состояние финансово-производственной деятельности театра. Число спектаклей,

зрителей, доходы, посещаемость и т. д. Выводы огорчили. Конечно, были у театра и удачные спектакли, и интересные актерские работы, но в последние годы общий план не выполнялся. Доходы приносили гастроли. У себя дома спектакли шли при полупустом зале. Между прочим, к столь же печальному заключению пришел представитель Министерства культуры СССР, побывавший в театре до него.

Андрей задумался: как помочь театру найти свое творческое лицо и преодолеть отчуждение новгородского зрителя. И предложил почти невероятное: полностью заменить репертуар. Понимая, что выпустить за сезон 10—12 спектаклей трудно, он подсказывает выход — создать малую сцену. Во-первых, можно параллельно готовить сразу два спектакля. Во-вторых, такой принцип общения, камерный, привлечет зрителя.

С ним охотно согласился директор театра Н. П. Сиденко. С пониманием отнеслись

в областном отделе культуры. Предупредив Лапикова о сложностях коллектива и пообещав всяческое содействие, его утврждают исполняющим обязанности главного режиссера.

Первым практическим шагом было доскональное обследование театра, до последнего чуланчика. И снова — предположение: надо привести в порядок внешний вид. Художник А. Дедух набросал эскизы интерьера коридоров, фойе. Все продумали, вплоть до цвета входных билетов. «Ладно, — уклончиво заметил Сиденко, — только одно условие: командуйте сами».

Представлял ли Лапиков, насколько это хлопотно? Отчасти. Но ему не терпелось, чтобы «зритель почувствовал новое во всем, даже в стенах». К тому же надеялся привлечь в помощники актеров. Не сумел. Напряженные гастролы вымотали людей. Кинулся за материалами — дефицит. Краску, кисти, валики и прочее доставал разными хитростями. Наконец, проблема —

найти и оформить рабочих. Короче, нижний коридор и репетиционный зал вкостером за месяц, как ни старались, отремонтировать до конца не смогли.

После отпусков Лапиков, аккуратный, подтянутый, собрал труппу и сухо произнес: «Мы очень ждали помощи. Никто не пришел. Горько и обидно». Поднял голову и уловил во взглядах настороженность.

Лапиков со свойственным ему максимализмом считал, что каждая мелочь в театре касается его лично. В конце концов это не понравилось, начались обиды. Выходит, до Лапикова запущенности театра не видели? Видели. И не один год. Что захламлены и плохо оборудованы цехи, гримировочные, подсобные помещения, что крайне бедно материально-техническое оснащение... Как-то в одном поселке заведующая клубом, глянув на рваные и грязные декорации, отрезала: «Не пущу». И не пустила. В театре об этом случае рассказывали

со смехом. Андрею смеяться не хотелось.

Разговоры с директором становились все резче. Потом — новость: малой сцены не будет. Репетиции «Мальчиша-Кибальчиша», рассчитанного на малую сцену, автоматически отодвигались на более поздний срок. Отодвигались и другие спектакли. Планы, разорвавшиеся руководством театра, рушились на глазах. Их объявили авантюрными.

Тогда он решился на большой и откровенный разговор с труппой. Жесткий, без дипломатий, он сводился к следующему: театр тяготеет к гастрольному типу, не продуман репертуар, нет перспективного планирования, внятной творческой идеи; от жизни коллектива веет будничностью и скукой; среди работников много людей непрофессиональных. И так — пункт за пунктом. В конце конкретный план действий.

Когда закончил, в зале стояла тишина. «Давайте работать по двенадцать часов в сутки. Только так можно выйти из создавшегося положения. Кто за?» — присталь-

но посмотрел на сидящих напротив людей и уловил на некоторых лицах уже не настороженность — неприязнь.

— Многие думали: я подержу, а роли не дадут, — сказала мне актриса Э. Столярчук, — Лапиков пригласил шесть актеров, а кто-то рассчитывал сыграть Марину Мишик или Димитрия Самозванца. Оплелуха всему творческому коллективу.

— Поступил честно, но ведь глупо, — с тонкой усмешкой включается в разговор молодой актер А. Пшанский, — зачем говорить прямо? Неосмотрительно.

В атмосфере недоброжелательства и неуверенности в завтрашнем дне прямота показалась вызовом. А тут еще слухок, что труппу будут реформировывать на 80 процентов, что составлены списки, кого отчислят первыми. Все это мешало репетициям «Бориса Годунова», которым предстояло открыть сезон.

Спустя месяц, в течение которого наспех сдавался и не был принят худсоветом «Мальчиш-Кибальчич», Лапикова отстранили от должности и. о. главного режиссера.

Мы идем по территории новгородского Кремля. Андрей, тулуп нараспашку, с непокрытой головой, шагает крупно, не чувствует, как ветер бросает нам в лицо снежные горсти. «Вот здесь, между домами, думаем поставить спектакль. Настоящее народное представление. Правда, интересно?» Он осекся и запахнул тулуп. Какая сцена, какой спектакль? Идея, захватившая в городе многих, уже несбыточна. Ведь он снова — очередной режиссер. Об этом я узнал из его письма в корпункт «Комсомольской правды». «Наверняка мной были допущены ошибки, но два месяца все-таки маленький срок, чтобы делать такие суровые и решительные выводы».

— Хорошее дело они с художником Дедухом погубили своим неверным поведением, — осторожно подбieraет слова Н. П. Сиденко, — революция в театре не может произойти сию минуту. Я сторонник постепенного перехода. Не хватило Лапикову разумной хитрости. На его месте я бы отсюда уехал...

Что ж, конечно, кое в чем Лапиков поспешил. Ему бы пристальной взглянуть в труппу и подумать внимательнее о предстоящих спектаклях. А он взялся за решение сложных творческих задач, попутно взвалив на себя чу-

жие заботы. Понять его можно. Все планы приняты безоговорочно, стало быть, надо действовать. До поры до времени ему не мешали. Молод, умен, напорист, а вдруг получится. Но могло ли получиться?

Не хитрости, а опыта и терпения не хватило Лапикову, как, впрочем, и другим молодым режиссерам, работавшим в Новгороде. Коллектив театра их устремления и активность встречает боязливо, замечая главным образом ошибки. Так было и с Анатолием Кошелевым, начало которого, резкое, энергичное, отказ от старого репертуара, тоже вызвало бурные протесты. Его оставили наперекор многим. За несколько лет Анатолий вырос в незаурядного руководителя, и теперь о нем (приглашен главным режиссером в Горький) вспоминают с теплотой.

В последний день командировки я заметил оживление за кулисами. Оказывается, для постановки нового спектакля со стороны приглашен режиссер. Очередной. «Будем смотреть его на главного», — сказал Сиденко. Я вспомнил про Андрея. Вот так же когда-то начинал он.

В. ОСКОЛКОВ.
(Наш корр.).

Новгород.

16 МАЯ 1987

КОММУНИКАЦИОННАЯ СЛУЖБА
МОСКВА